

УДК 81'42

Т.Н. Савчук

канд. филол. наук, доц., доц. каф. прикладной лингвистики
Белорусского государственного университета,
докторант каф. белорусского языка и литературы
Минского государственного лингвистического университета
e-mail: tatyana.s77@list.ru

СТРАТЕГИЯ КРИТИКИ В НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Выявляется специфика реализации стратегии критики в дискурсе гуманитарных наук. Критика рассматривается как необходимый элемент стратегического уровня научной аргументации. Предлагается авторская типология тактических средств критикующего рассуждения, отмечается их сходство в русско- и белорусскоязычном дискурсах. Устанавливаются прагматические различия тактик, описываются их структурные модели, систематизируются способы вербализации. Характеризуются приемы психологического усиления критики, в частности, драматизация изложения, насыщение дискурса негативно-оценочными номинациями, применение риторических средств. Делается вывод о том, что эффективность использования различных тактик детерминирована констатирующими факторами. Подчеркивается, что дистриктивным свойством критики является нацеленность на альтернативную точку зрения. В случае переориентации критической оценки на личность оппонента происходит вырождение критики, квалифицируемое как стратегическая ошибка научной аргументации.

Введение

Аргументирующее рассуждение может быть направлено либо на позитивное, либо на негативное обоснование той или иной точки зрения. В первом случае целью аргументатора (пропонента) является защита выдвигаемого тезиса – убеждение реципиента в его истинности, обоснованности, предпочтительности. Вторая ситуация имеет противоположную установку и связана с реализацией стратегии критики: аргументирующий субъект, выступающий в роли оппонента, стремится убедить адресата в ложности, неприемлемости, недостаточной обоснованности оппозиционной точки зрения. Диалектика подтверждения и критики является онтологическим свойством аргументативного дискурса, что обуславливает естественный интерес к изучению названных стратегий аргументации.

Объектом исследовательского внимания в данной статье служит стратегия критики, не являвшаяся ранее предметом специального аргументологического рассмотрения. Цель статьи – выявить специфику реализации стратегии критики в дискурсе гуманитарных наук. Фактологическую базу исследования составили научные статьи по гуманитаристике (по 150 русских и белорусских текстов), извлеченные из рецензируемых изданий за 2001–2015 гг.

Соотношение ключевых понятий

Корректность представления полученных результатов предполагает экспликацию используемых в работе базовых терминов. Это особенно важно, если учитывать неупорядоченность концептуально-терминологического аппарата современной теории аргументации [1, с. 52]. Понятие «критика» семантически связано с концептами «возражение», «несогласие», «опровержение», «контраргументация». Разграничение указанных терминологических номинаций невозможно без обращения к формальной логике, из которой они заимствованы, но в то же время требует привлечения аналитического аппарата неформальной логики и теории коммуникации (такой подход отражен в [2]).

В соответствии с принятой в данном исследовании методологией, критика представляет собой аргументацию, или аргументирующую деятельность [2, р. 133], которая направлена «на негативное изменение позиции субъекта» [3, с. 24], «на частичное обоснование ложности некоторого высказывания» [4, с. 36]. Определение критики как «деятельности, противоположной аргументации» [5, с. 187], является, на наш взгляд, спорным: ведь в таком случае необоснованно расширяется объем понятия «критика» и, напротив, сужается объем понятия «аргументация».

Различные подходы к толкованию смежных терминов «критика», «опровержение» и «контраргументация» обусловлены концептуальными разногласиями. Формально-логическая дефиниция опровержения как операции по установлению ложности либо необоснованности тезиса [4, с. 36] указывает на родовой статус опровержения по отношению к критике, называемой частичным опровержением. Существуют иные способы квалифицировать опровержение: как вид возражения [6, с. 5], как понятие, равнозначное контраргументации [7, с. 6–8], как частный случай контраргументации [5, с. 187]. Неоднозначность приведенных интерпретаций, в частности, двух последних вариантов, выявляется при сопоставлении их с мнением основателя советской школы теории аргументации Г.А. Брутяна, который говорит о неправомерности понятия «контраргументация» как противоречащего сущности двуединого процесса аргументации, включающего в себя «все антиподы, все контрутверждения». «За пределами аргументации, – пишет Г.А. Брутян, – уже нет места для противопоставления чего-то данной аргументации, за исключением лжеаргументации» [8, с. 24].

Попытка наделить концепт «возражение» статусом подчиняющегося относительно понятий «опровержение» и «несогласие» [6, с. 5] представляется несостоятельной, поскольку противоречит логике: возражение – это элемент, часть опровергающего рассуждения, но не наоборот. Что касается эквивалентных понятий «возражение» и «несогласие», искусственность их разграничения подтверждается и лексикографическими данными: согласно словарному определению, «возражение» в первом значении – «довод, мнение против чего-нибудь, выражение несогласия с чем-либо» [9, с. 97].

Целенаправленность критики, ее когнитивно-прагматическая сущность позволяют говорить о стратегической природе данного феномена. В зависимости от характера когнитивной программы стратегия критики способна трансформироваться: логически и прагматически усиливаясь, она переходит в опровержение (задача-максимум); ослабленная (свернутая) критика проявляется как возражение (задача-минимум).

Виды критики и способы ее реализации

В научном дискурсе продвижение новых идей неизбежно сопровождается демонстрацией ограниченности, неприемлемости существующих мнений, убеждений, теорий. Объектом критики всегда является альтернативная точка зрения. Критика может быть направлена как против тезиса, так и против доводов оппозиционной аргументации. Имея «аналитическую и объяснительную природу», критика «не может быть изолирована от контекста» [2, р. 134].

Анализ показал, что стратегия критики в научно-гуманитарном дискурсе реализуется посредством пяти основных тактик, каждая из которых допускает внутреннюю дифференциацию.

1. Прямая критика альтернативной позиции предполагает формулирование объекта критики, изложение оснований критики, эксплицитное либо имплицитное выражение собственного мнения, а также (факультативно) негативно-оценочные констатации. Например: рус. 1) *Часто причину и следствие рассматривают как самостоятельные категории, что, однако, представляется нам некорректным, поскольку*

причина существует тогда и только тогда, когда существует следствие. Мы рассматриваем причину и следствие как двуединство ПСО (ВМУ-Ф, с. 70).

Критиковаться может персонифицированная точка зрения: 2) рус. **В отличие от О. Тоффлера мы не склонны идеализировать постиндустриализм... На наш взгляд, все это просто продолжение «второй волны»...** В современном массовом обществе создан специфический «массовый человек» (**Тоффлер не прав** – массовое общество никуда не ушло, оно доведено до абсурда)... (НИК2, с. 26–31); 3) бел. **Памылка Фукуямы, аднак, заключалася ў тым, што ён акцэнтаваў увагу на эканамічных і палітычных момантах, часта забываючы пра каштоўнасці духоўныя і этычныя...** (СА2, с. 179).

Критика также может направляться на позицию обобщенного (анонимного) оппонента и соответствовать продуктивной для научного дискурса схеме: *Иногда (нередко, часто, как правило) / принято считать (рассматривать)...*, но (однако, вместе с тем); бел. *Звычайна (традыцыйна) / прынята лічыць, што ..., але (між тым, разам з гэтым)* (пример 1).

В гуманитаристике способы языковой репрезентации критических рассуждений многообразны. Опорой для их идентификации служат не только (и не столько) заданные схемы, сколько модальность дискурса, которая проявляется вербально и контекстуально: 4) бел. **Праблема сацыяльнага выбару... атрымала тэарэтычна памылковую суб'ектыўную інтэрпрэтацыю ў перыяд перабудовы ў канцэпцыі так званай новага палітычнага мыслення... Тут выразна сфармуляваны пункт гледжання, які тыповы для сучаснай псеўдадэмакратычнай літаратуры. Ён асабліва папулярны сярод інтэлігенцыі..., але ад гэтага ён не перастае быць перабольшаннем, абсалютызацыяй адной са старонак жыццядзейнасці грамадства** (ВНАНБ, с. 5–7).

Вербализация прямой критики осуществляется с помощью дискурсивных формул, содержащих негативно-оценочные конкретизаторы различной интенсивности, которые создают широкий спектр критических высказываний – от эвфемистических до категорических: рус. *Мы ставим под сомнение достаточно частую постулируемую...; Неявным и неверным допущением является то, что...; Несостоятельность подхода... обусловлена тем, что...; Рассмотрение... является далеко не бесспорным, хотя...; ...попытка не может быть признана достаточно последовательной; Иногда... связывают с... Но такой взгляд нельзя признать правильным, ибо...; Слабыми местами этой теории является недостаточный учет...; Представление о том... не так непрекаемо, как думают многие...; Классическое противопоставление... представляется неудовлетворительным именно потому, что...;* бел. *Гэтае палажэнне здаецца нам вельмі няпэўным...; Цяжка пагадзіцца з тым, што...; Аднапланавасць шматлікіх да-следаванняў заключаецца ў тым, што...; Ужываць жа падобны метады ... абсалютна няправільна, таму што...; Няцяжка адзначыць аднабаковасць гэтых і аналагічных ім пазіцый...; Акцэнтацыя ідэі... памылковая і нават небяспечная, паколькі... и т.п.*

Прямая критика аргументов встречается значительно реже, чем критика тезиса. В русском дискурсе этот вид аргументации оформляется с помощью речевых стереотипов, таких как: *Ссылки на... кажутся нам необоснованными; ...не может служить аргументом в пользу...; В качестве контрпримера к этому постулату можно привести...; Теперь такого рода аргументация встречает все более серьезные возражения; На наш взгляд, это наиболее слабое место его теории, ибо для объяснения непонятного используется неизвестное; Многие авторы считают, что..., но мной эти данные воспринимаются как завышенные; ...в ряде документов приводятся данные о..., но, к сожалению, они не надежны и не могут служить основанием для...*

В белорусских текстах критика доводов представлена единичными примерами, что не позволяет говорить о системности вербализации такого типа рассуждений. Речь может идти лишь об индивидуально-авторских реализациях: *Аднак усе гэтыя тэорыі*

разбіваліся пры сутыкненні з рэальнымі фактамі, у святле якіх стала відавочна, што...; Стылістыка павярхоўна атаясамлівалася са знешняй формай, тады як...; Тут... шмат палітычнага ляманту, а навуковых абгрунтаванняў значна менш і др.

Идентифицировать возражение против аргументов позволяет констатирующий анализ: 5) *Разглядаючы лексічныя варыянты, некаторыя даследчыкі сцвярджаюць, што ў якасці пераменных найчасцей выступаюць дзеяслоўныя кампаненты. Гэта ілюструецца некалькімі прыкладамі без усякіх колькасных паказчыкаў. А між тым...* (БЛ, с. 34).

2. Акцентирование альтернативных аспектов отражает диалектический характер критики [2, р. 145], а также свойственную научному дискурсу оппозиционность мышления. Этот прием реализует слабый вариант критики – возражение и проявляется в трех частных тактиках.

2.1. Тактика мнимого согласия («да..., но...»): аргументатор, первоначально одобряя оппозиционную точку зрения, отмечая ее достоинства, в итоге эксплицирует недостатки критикуемого мнения. 6) рус. *Авторы перечисленных выше исследований подчеркивают взаимосвязь враждебности и такого психического заболевания как шизофрения, но не раскрывают механизмы влияния враждебности на этиологию и патогенез данного заболевания* (НПЖ1, с. 36); 7) бел. *Прапанаваная Ю.М. Рэзнікам мадэль універсальнай структуры грамадзянскай супольнасці эфектыўна выконвае тэарэтычна-аналітычную функцыю канцэпту..., але не краінае аксіялагічнага вымярэння грамадзянскай супольнасці* (ВНАНБ1, с. 17).

Данной модели рассуждения свойственна устойчивая вербальная репрезентация: рус. *Мы не отрицаем, что..., но...; Нет спору – автор прав, утверждая, что... Но...; Все было бы хорошо, если бы не один очень важный аргумент...; С одной стороны, казалось бы... Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что...; Во многом суждения о том, что... справедливы. Однако в этих утверждениях часто кроется глобальное заблуждение, что...;* бел. *Не аспрэчваючы таго факта, што, безумоўна..., вельмі хацелася б, каб у дадатак да гэтага...; Усё гэта, несумненна, можа мець месца, але не з'яўляецца абсалютна бясспрэчным; Справядліва адзначаецца, што..., пры гэтым цалкам ігнаруецца тое, што... і т.п.*

2.2. Тактика замещения («не..., а...»): утверждение собственной позиции достигается через отрицание альтернативного мнения. 8) рус. *PR в Интернете – это не просто «тот самый PR, только online», а самостоятельная совокупность методов и средств, применяемых при PR-продвижении интернет-проектов...* (ВМУ-Ж1, с. 59); 9) бел. *Але нельга разглядаць працэс адлюстравання як застылы, мёртвы і пасіўны акт духоўнай дзейнасці суб'екта, наадварот, ён – вынік актыўнай духоўнай працы рэцыпіента...* (ВБДУ1, с. 77).

Примечательно, что указание на тактику замещения может содержаться и в заголовке научной статьи (как, например, в БД1), манифестируя ее полемический характер.

2.3. Тактика дополнения («не только..., но и...»): критикуемая точка зрения не отрицается аргументатором, но развивается и уточняется. 10) рус. *Туризм в сфере культуры и этнотуризм должны... оцениваться не только с точки зрения их образовательного и воспитательного значения..., но и как сектор перспективного бизнеса...* (НИК1, с. 116); 11) бел. *Такім чынам, прафесійная творчасць не толькі індывідуальная, але і абумоўленая сацыяльным і сацыякультурным асяроддзем, што фарміруе асобу* (БД3, с. 163).

Прибегнув к мысленному эксперименту, нетрудно показать, что во всех схемах, реализующих тактику акцентирования альтернативы (6–11), первый компонент, содержащий объект критики, факультативен. Он может опускаться без особой смысловой потери, однако при этом потеря прагматическая будет весьма существенной.

3. Фактическое лишение основания формально соответствует логической операции прямого опровержения: «ложность тезиса устанавливается путем использования противоречащих ему фактов» [4, с. 37].

Распознаванию данного тактического приема способствует вербализация всех структурных компонентов критикующей аргументации: 12) рус. *Главным аргументом сторонников идеи о смерти печатных СМИ, конечно, является их тревожное экономическое состояние и падение тиражей. Однако, если верить объективным фактам и цифрам, падение тиражей печатных изданий на самом деле не носит столь масштабного характера, как представляется... Интересно, что в последнее время проявился новый, довольно неожиданный тренд: возвращение некоторых изданий, изначально существовавших только в Интернете, к традиционному для СМИ печатному виду <...>. Наметилась новая тенденция, связанная с вполне сознательным, а не вынужденным, отказом от Интернета... Таким образом, факты опровергают тезис о смерти печатных СМИ, скорей подтверждая тезис о том, что газеты и журналы не исчезнут в ближайшее время* (ВМУ-ЖЗ, с. 30–34) В 12) демонстрируется характерное для научного дискурса совмещение критики и подтверждения, а также связанную с этим амбивалентность фактов: опровергая альтернативную позицию, они служат доводами в поддержку противоположной точки зрения.

13) бел. *Грамадзянская, дзяржаўная і іншыя канцэпцыі нацыянальнага развіцця, якія не засноўваюцца на культурна-моўным кантэксте як аснове цэласнага беларускага нацыянальнага арганізму, губляюць сваю грунтоўнасць перад сучаснай відавочнай карцінай імклівага заняпаду беларускай культурнай традыцыі і сітуацыяй сур'ёзнай пагрозы беларускай нацыянальнай бяспецы. Усе развагі пра адмысловасць беларускай мадэлі, якая, мусібыць, уключае ў сябе і «магчымасць» небеларускай Беларусі, элементарна і куды ўжо болей відавочна разбіліся сённяшнімі сацыяльна-эканамічнымі рэаліямі* (СА2, с. 183).

Сила тактики фактуального опровержения в одновременном утверждении альтернативы: эксплицитном, как в 12), либо имплицитном, как в 13).

4. Выведение негативных следствий: устанавливается каузальная связь между ошибочной концепцией и негативным сценарием ее воплощения, в результате очевидной становится нецелесообразность принятия критикуемой точки зрения.

Отрицательные следствия могут иметь отношение к настоящему, на что указывает аргументатор, апеллируя к реальности: 14) рус. *...умножение и активная деятельность так называемых гуманистических школ психологии и педагогики привело к своеобразному перекосу, дисгармонии в представлениях о соотношении насилия и усилия... Одним из закономерных следствий такого концептуального перекоса, в карикатурном, гротескном виде показывающим его научную и практическую несостоятельность, стало появление систем воспитания и учебных заведений, в которых воспитанники во время развивающего занятия, урока могут... заниматься «чем хочется», демонстративно «гуманистически» игнорируя усилия педагога. Идеалом воспитания и обучения стала идея об абсолютно «гуманистической» ненасильственной педагогике, когда ученик получает необходимые знания и умения без всякого принуждения, насилия, усилия, без отметок и, желательного, лежачего. В результате, к моменту перехода в среднюю школу школьники не знают таблицы умножения... Но все это с точки зрения «гуманистической» педагогики ерунда, ибо основная цель – это развитие свободного человека...* (НПЖ2, с. 22). В 14) вербальные маркеры каузации, лексика с негативной коннотацией, ироническая тональность рассуждения – все это позволяет идентифицировать тактику выведения негативных следствий.

Последствия критикуемой точки зрения могут относиться к будущему – в таком случае критическая аргументация выступает как негативный прогноз: 15) бел. *Апанен-*

ты ўдзелу дзяржавы ў фінансавай падтрымцы рынку СМІ не маюць рацыі ў сваім апантаным жаданні ўраўняць канкурэнтныя шансы. Як толькі дзяржава адмовіцца ад фінансавання некаторых выданняў, у прыватнасці рэгіянальнага і раённага друку, паўстане больш важная праблема – інфармаванне жыхароў вёсак, невялічкіх пасёлкаў, гарадоў. Адмаўленне ад датацый для дзіцячай і маладзёжнай прэсы – таксама крок, які можа знішчыць сацыяльна важны пласт друку (БД1, с. 110). Тактика выведения негативных следствий, как видно из 14), 15) направлена на критику ценностных суждений: негативная оценка следствий выводится на основании негативной оценки их причин. Данный прием может совмещаться с тактикой фактуального опровержения, как в 13), что усиливает перлокуцию убеждения.

5. Выявление противоречий: допускается приемлемость критикуемой точки зрения, из нее выводятся следствия, противоречащие логике, научному закону, принятой оценке и т.д. Данная тактика сходна с формально-логической процедурой сведения к абсурду [4, с. 37], однако, в отличие от логической операции, она имеет не истинностную квалификацию, а вероятностную.

В дискурсивной практике указанный прием может быть представлен как энтимематическое (сокращенное) рассуждение, нормативно-оценочная составляющая которого находится в имплицации: 16) рус. *Если считать понятия «средства массовой информации» и «медиа» синонимами, тогда совсем размывается специфика СМИ в ряду других средств связи...* (ВМУ-Ж2, с. 23).

В других ситуациях выявление противоречий реализуется в полноструктурной аргументации: 17) рус. *Месяцы два таму назад на радыё і тэлебачанні захапіліся прыназоўнікам за ў паведамленнях пра надвор'е. З'явіліся канструкцыі за і ніжэй за: скорасць ветру 5 метраў у секунду, тэмпература паветра ніжэй за нуль... У апошнім выпадку гэта чыстае непаразуменне, бо прыназоўнік за ўжываецца толькі тады, калі ступень параўнання прыметніка або прыслоўя ўжываецца пры параўнанні... Тут жа ніякага параўнання няма: нуль тут адзначае пэўнае месца на тэрмометры. Таму тэмпература паветра можа быць або ніжэй, або вышэй нуля, як і паказваюць тлумачальныя слоўнікі беларускай мовы...* (БД2, с. 86–87). В 17) критика квалифицируется как опровержение, благодаря логической безупречности рассуждения и ссылке на авторитетные источники.

Способы психологического усиления критики

Стратегия критики в дискурсе гуманитарных наук опирается не только на логические основания, но также предполагает использование ряда психологических приемов, которые призваны усилить убеждающий эффект за счет актуализации эмоционально-ценностного канала воздействия на реципиента.

Регламентированность объема данной статьи не позволяет подробно охарактеризовать способы психологического усиления критики, поэтому ограничимся их перечислением и отдельными иллюстрациями.

Драматизация изложения (экспрессивность и эмоциональность), **насыщение дискурса негативно-оценочными номинациями:** 18) рус. *...Есть возражение. А средний доход? А среднее количество лет обучения? И т.д. Ответ: средние величины – это неточные, иногда бессмысленные величины, как, например, «средняя температура по палате»... Властная элита. Для украинских реалий последних 20 лет это словосочетание – абсолютный абсурд. Два слова, которые перечеркивают друг друга. Исходя из того что в первоначальном значении «элита» – это лучшее из лучших (!), а украинская власть – это не элита, это кланово-олигархическое скопище жадных до наживы особей...* (СА1, с. 88–89).

Использование многообразных риторических приемов, формирующих параргументацию, а также создающих аргументативный ресурс в виде комментариев, уточнений, пояснений. Наглядность и конкретность изложения достигается путем привлечения тропических средств (чаще всего метафорических): 19) бел. *За шматлікімі спасылкамі на «паліткарэктнасць» выяўляецца імкненне фальсіфікаваць гісторыю: асобныя палітыкі, гісторыкі, пісьменнікі, журналісты з маленькіх шматкоў псеўдапраўды спрабуюць стварыць вялікае палатно хлусні* (ВБДУ2, с. 62). С этой целью регулярно употребляются и стилистические фигуры (параллелизм, инверсия, антитеза): 20) рус.: *...можно поставить вопрос о возможных негативных последствиях и опасностях злоупотребления этими [Интернет-]технологиями для здоровья. Научите пятилетнего ребенка играть в компьютерные игры, и он перестанет приставать к взрослым с вопросами об устройстве мира и просьбами что-нибудь сделать вместе. Теперь он оставил нас в покое, – обрадуются незадачливые родители. Теперь он перестал развиваться, – встревожится психолог* (НПЖ2, с. 24–25).

Особое место в группе риторических интенсификаторов критики занимает ирония, которая, обладая значительным прагматическим потенциалом, способна существенно усиливать критический заряд высказывания, что показано, например, в 13), 14).

Перечисленные приемы психологического усиления критики легитимны только в том случае, если направлены против альтернативного мнения, но не против высказывающего данное мнение лица. Если же фокус критической оценки смещается в сторону личностных качеств субъекта конкурирующей точки зрения, реализуется тактика на понижение с целью дискредитации оппонента. Такая тактика может быть завуалированной и дешифровываться благодаря конситуативному анализу: 21) бел. *Абгрунтаванне такога падыходу да лексікі, агульнай з рускай мовай, знайшло і сваё «навучовае» падмацаванне ў вядомых «вучэбных дапаможніках» прафесара П.У. Сцяцко... Цікавы курс, праўда, ад назвы нясе кашчунствам... Асноўная ідэя гэтага курсу і гэтага «вучэбнага дапаможніка» заключаецца ў тым, што нашы беларускія моваведы і класікі нашай літаратуры ўвесь час толькі і займаліся, што працавалі пад нейкі «ўсесаюзны стандарт» (пад рускую мову?) і зусім не ведалі заканамернасцей беларускай мовы, якія даступны толькі праф. П.У. Сцяцко. Ён прапануе «ўпарадкаваць, напавіць, удакладніць» ні многа ні мала дзесяткі тысяч слоў, зафіксаваных у слоўніках літаратурнай мовы. Хацелася б параіць шанюнаму прафесару больш рацыянальна выкарыстоўваць час, адведзены яму, – стварыць слоўнік... (БД2, с. 87). Маркерами «игры на понижение» в 21) служат многообразные средства создания иронического подтекста.*

В корпусе исследованного материала отмечены единичные иллюстрации того, как полемический запал выводит аргументатора за рамки научной этики, что проявляется в употреблении оскорбительных личностно-характеризующих номинаций: 22) рус. *Показательно, что теория дискурса вызревает в работах откровенного декадента и сексуального извращенца французского происхождения – Мишеля Фуко, предпринявшего, в частности, эксперимент по искусственной элиминации всех возвышающих человека смыслов из живого языка...* (НИК3, с. 110). В 22) имеет место вырожденная критика, использование которой в научном обосновании квалифицируем как стратегическую ошибку: такой прием не способствует убеждению в неправоте оппонента, а лишь дает повод для сомнений в компетентности аргументатора.

Заклучение

Критика является необходимым элементом стратегического уровня научно-гуманитарной аргументации. Общая направленность критики против альтернативного мнения конкретизируется в пяти тактиках, представляющих приемы демонстрации необоснованности, недостоверности, нецелесообразности конкурирующей точки зрения.

Критика в различных ее вариантах неизбежно сопровождается оценкой, эксплицитной либо имплицитной. Тональность критических рассуждений варьируется по шкале «сдержанность – повышенная эмоциональность». Идентификация разных видов критикующей аргументации происходит с учетом структурных моделей, способов их вербализации, а также конситуативных факторов.

Психологическое усиление критики достигается за счет приемов эмоционально-ценностного воздействия, эффективность которых определяется дискурсными параметрами гуманитаристики. Принципиальных различий в реализации критики в русско- и белорусскоязычном дискурсах не выявлено. Несовпадения касаются частотности тех или иных тактических приемов и способов их вербальной репрезентации.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БД1 – Вараб’ёў, В. Не «чацвёртая ўлада», а палітычны інстытут грамадства! / В. Вараб’ёў // Беларус. думка. – 2003. – № 4. – С. 108–118.

БД2 – Падлужны, А. Мова: сучаснасць і будучыня / А. Падлужны // Беларус. думка. – 2003. – № 4. – С. 86–91.

БД3 – Скараходаў, У. Чалавек – творчасць – цывілізацыя / У. Скараходаў // Беларус. думка. – 2003. – № 7. – С. 161–168.

БЛ – Хлусевіч, І. М. Лексічныя варыянты фразеалагізмаў / І. М. Хлусевіч // Беларус. лінгвістыка. – 2001. – Вып. 50. – С. 32–38.

ВБДУ1 – Кавалеўскі, А. М. Ад успрымання да разумення (інтэрпрэтацыя паэтычнага тэксту як сродак эстэтычнага камунікавання) / А. М. Кавалеўскі // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2010 – № 1. – С. 76–80.

ВБДУ2 – Падаляк, Т. У. Значынствы супраць чалавецтва не маюць тэрміну даўнасці: да пытання аб рэабілітацыі (гераізацыі) нацызму / Т. У. Падаляк // Весн. БДУ. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2015 – № 1. – С. 62–66.

ВМУ-Ж1 – Гринберг, Т. Э. Интернет: средство коммуникации публик рилейшнз или новая профессиональная технология? / Т. Э. Гринберг, С. А. Лучкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2001. – № 6. – С. 56–62.

ВМУ-Ж2 – Свитич, Л. Г. Современная периодика: поле понятий и терминов / Л. Г. Свитич // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 19–33.

ВМУ-Ж3 – Смирнова, О. В. Стратегии печатных медиа в эпоху цифровых технологий / О. В. Смирнова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. – 2013. – № 6. – С. 26–38.

ВМУ-Ф – Всеволодова, М. В. Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение) / М. В. Всеволодова, Е. Н. Виноградова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2001. – № 6. – С. 69–100.

ВНАНБ1 – Навумаў, Д. І. Аксіялагічнае вымярэнне канцэпту «грамадзянская супольнасць» / Д. І. Навумаў // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2002. – № 3. – С. 16–18.

ВНАНБ2 – Новікаў, В. М. Рэтраспектыўны погляд на праблему сацыяльнага прагрэсу / В. М. Новікаў // Вес. НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2001. – № 2. – С. 5–10.

НИК1 – Бондаренко, Е. А. Этнотуризм и рекреация человеческого капитала в культуре региона / Е. А. Бондаренко, О. Н. Римская // Наука. Искусство. Культура. – 2015. – Вып. 5. – С. 115–121.

НИК2 – Римская, О. Н. Кризис личностной идентичности в постсовременной культуре / О. Н. Римская // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 3. – С. 25–33.

НИКЗ – Цуканов, Е. А. Не позволяйте обществу скакать, или зачем террористам дискурс / Е. А. Цуканов // Наука. Искусство. Культура. – 2014. – Вып. 3. – С. 108–114.

НПЖ1 – Ениколопов, С. Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии / С. Н. Ениколопов // Нац. психол. журн. – 2007. – № 1. – С. 33–39.

НПЖ2 – Тхостов, А. Ш. Культура и патология: побочные эффекты социализации / А. Ш. Тхостов, К. Г. Сурнов // Нац. психол. журн. – 2006. – № 1. – С. 20–27.

СА1 – Саенко, Ю. И. Рациональность социальных понятий / Ю. И. Саенко // Социол. альм. – 2014. – Вып. 5. – С. 88–102.

СА2 – Уладыкоўская, Л. М. Сацыякультурнае вымярэнне сучаснасці: да пытання беларускай культурнай стратэгіі / Л. М. Уладыкоўская // Социол. альм. – 2012. – Вып. 3. – С. 174–186.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Савчук, Т. Н. Концептуальная система теории аргументации: проблемы формирования / Т. Н. Савчук // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. – 2017. – № 1. – С. 51–57.

2. Irandoust, H. The Logic of Critique / H. Irandoust // Argumentation. – 2006. – Vol. 20, № 2. – P. 133–148.

3. Зайцев, Д. В. Теория и практика аргументации : учеб. пособие / Д. В. Зайцев. – М. : ФОРУМ, 2013. – 224 с.

4. Савчук, Т. Н. Логика : в 3 ч. / Т. Н. Савчук. – Минск : Изд-во МИУ, 2003–2004. – Ч. 3 : Недедуктивные выводы. Логические основы общения. – 2004. – 51 с.

5. Ивлев, Ю. В. Логические и методологические аспекты аргументации и критики в гуманитарных науках / Ю. В. Ивлев // Логика : учебник для вузов / Ю. В. Ивлев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Логос, 2001. – 272 с.

6. Кунаева, Н. В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Кунаева. – Воронеж, 2009. – 23 с.

7. Пучкова, Е. В. Аргументативно-лингвистический анализ языка науки : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Пучкова. – Тверь, 2006. – 20 с.

8. Брутян, Г. А. Очерк теории аргументации / Г. А. Брутян. – Ереван : Изд-во АН Армении, 1992. – 303 с.

9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – 991 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.06.2017

Savtchuk T.N. Strategy of Critique in Scientific Humanitarian Argumentation (on the Material of the Russian and Belarusian Languages)

Specificity of the implementation of the strategy of critique in the discourse of the humanities is revealed. The author's typology of tactical means of critique reasoning is proposed; their similarity in Russian and Belarusian discourses is noted. Pragmatic differences of the tactics are explicated, their structural models are described, and the ways of language representation are systematized. The methods of psychological intensification of critique are characterized. It is concluded that the effectiveness of the use of various tactical means is determined by pragmatic factors.